

УДК 338.22: 122

Экономический базис и его социально-технологическая роль в обществе**Осипов Николай Евдокимович**

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428000, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Ленина, 18;
e-mail: osipovne48@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка по-новому рассмотреть содержание и методологическую роль таких категорий социальной философии как общественно-экономическая формация, ее структурное основание – базис, культура и цивилизация, давно зарекомендовавших себя в общественных науках в качестве их теоретико-познавательного аппарата. Новый взгляд представляет собой трактовку этих категорий как социальных технологий организации жизни общества на самом «высоком» уровне его целостности. Такой подход, по мнению автора, позволяет понять культуру, цивилизацию и формацию как мегасоциальные технологии. Следовательно, понятие «социальная технология» является базовой единицей теоретической рефлексии над отмеченными выше традиционными категориями социальной философии. Но такой аспект их понимания требует и иной трактовки содержания самого понятия «социальная технология», нежели утвердившейся в отечественной философской литературе. Автор считает последнюю научно-инженерной, не совсем соответствующей категориальному статусу названных выше категорий. Для такого соответствия социальная технология конституируется в статье как комплекс онтологически разнородных феноменов, то есть как гетерогенное образование, важнейшей функцией которого является реализация ценностей культуры. Последние, составляя «высший уровень» социальных технологий, придают им экзистенциальный смысл, легитимацию и единство всех элементов. На примере капиталистической и коммунистической формаций в статье показан парадигмальный характер соответствующих базисов. По мнению автора, такое (социально-философское) понимание содержания социальной технологии способствует лучшему представлению о соотношении категорий «формация», «цивилизация» и «культура». Оно является преимущественно авторским и не представлено пока в обществоведческой литературе.

Для цитирования в научных исследованиях

Осипов Н.Е. Экономический базис и его социально-технологическая роль в обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 126-136.

Ключевые слова

Формация, базис, культура, цивилизация, технология, общество, социальная философия, самоорганизация, структура.

Введение

Социальная философия, рефлексируя над человеческой историей, сформулировала и применяет целый ряд понятий, составляющих ее познавательный арсенал, своего рода средства «теоретической оптики». Среди таких понятий важнейшими являются такие как культура, цивилизация и формация. Однако при всей продолжительности применения в общественном знании сохраняется некоторая неопределенность в их трактовке, что негативно сказывается на их методологической роли в познании социально-исторической реальности. Так, например, часто определяют культуру в «широком» смысле как все, что создано человеком. А порой сводят ее содержание только к совокупности духовных ценностей, что вносит определенную путаницу, если «забывать» о неоднозначности смысла этой категории.

Такое неявное смешение смыслов не лучшим образом сказывается на четкости теоретической позиции того или иного автора социально-философского текста. Нередко встречается и такое, когда цивилизацию понимают, как систему ценностей, следовательно, сводя ее к культуре.

За последнее время в социально-философский познавательный аппарат все увереннее входит понятие «социальная технология», что хорошо видно по материалам «круглых столов» в институте философии РАН. И это не случайно. Интерес к данному понятию позволяет рассмотреть социальные явления под новым углом зрения и, следовательно, оно обладает определенным познавательным потенциалом. Этот потенциал может проявиться и при рефлексии над «старыми», уже устоявшимися в социальной философии категориями, к которым относятся культура и цивилизация. Для этого необходимо отрефлексировать само содержание социальной технологии, «подняв» ее до уровня социально-философской категории, а не ограничиваться только научно-инженерным пониманием. Поэтому, автор этих строк пытается в ряде своих публикаций следовать этому намерению.

Общественно-экономическая формация как социальная мегатехнология

В социальной философии обычно решительно проводят грань между категориями: культура, цивилизация, нередко противопоставляя их друг другу. В этот категориальный ряд мы ставим и категорию «формация». По нашему мнению, все названные категории имеют определенный социально-технологический смысл (аспект). Они характеризуют различную степень и уровни организации общества. Так, в экономике система господствующих отношений собственности, образующих базис общества, *детерминирует* главный принцип самоорганизации социума не только в сфере материального производства, но и в других сферах бытия человека. Эти отношения определяют напрямую сущность взаимодействия между работодателем и работником – главными контрагентами процесса производства. Поэтому базис – это, своего рода, *социальная технология организации* экономической жизни общества; это *мегасоциальная технология*.

Отношения базиса являются *мегасоциальной технологией*, потому что определяют не только принципы организации в экономике. Здесь их воздействие непосредственное. Однако их влияние на другие сферы жизни общества также существенно, хотя и косвенно. Их влияние весьма ощутимо в политической и культурной сферах. Поэтому влияние базиса можно считать *парадигмальным*. Специфика определенной сферы общества накладывает свой отпечаток на социальные технологии в ее границах. В ней складывается своя система технологий, правда при

этом специфика определенной сферы социума имеет свою собственную технологическую реализацию. Так, к примеру, в политике центральную систему технологий задает *государство*. Его основная и непосредственная функция – поддержание своими средствами и методами «*статус кво*» в экономике, воспроизводство базисных отношений. Тем не менее, это не исключает необходимости исполнять любым государственным аппаратом общесоциальные функции регулирования отношений между различными общностями и индивидами в целях сохранения относительной целостности и устойчивости общества.

В культуре так же проявляют себя отношения собственности, но происходит это опосредованно в силу своеобразия данного феномена, зависящего в значительной степени от *духовного содержания* человеческой деятельности. При всем своеобразии этой деятельности, она реально осуществляется через систему определенных средств и методов, т.е. технологично. В результате общество в процессе исторического развития вырабатывает сложно организованную совокупность социальных технологий, подчиняющихся *иерархическому принципу*. Поэтому мы вправе рассматривать социум как многоуровневое социально-технологическое целое, что соответствует формационному его пониманию.

О некоторых особенностях капиталистической мегатехнологии функционирования общества

В качестве примера сущности социально-технологического аспекта формации рассмотрим капитализм (буржуазное общество). Капитализм как система экономических отношений, согласно марксизму, образует базис основания буржуазного общества (мы здесь абстрагируемся от проблемы условий его генезиса и этапов эволюции).

Капиталистические отношения собственности *задают* весь строй материального производства, а также весь спектр функционирования различных секторов экономики и организации остальных подсистем буржуазного общества. Эти отношения определяют товарно-денежный характер жизни в буржуазном обществе, обуславливая функционирование *механизма его самоорганизации* [Бузгалин, 2015, 306-388]. Сущностью такого механизма является капиталистический рынок. Роль государства, которое, хотя и выполняет некоторые общезначимые функции, ограничена. Реализация принципов воспроизводства жизни в таком обществе предполагает наличие соответствующей системы средств и методов – своего рода социальной технологии, ядром которой является *наемный труд* как основа эксплуатации работника. Средства и методы этой эксплуатации разнообразны. Среди них, например: манипуляция со стороны предпринимателя продолжительностью рабочего времени, внедрение в процесс труда более совершенной и производительной техники при сохранении прежней продолжительности рабочего дня, сокращении размера оплаты труда, ухудшении его условий и т.д. [Катасанов, 2013]. Все это, в конечном счете, есть следствие главного мотива собственника средств деятельности (не только средств материального производства). Главным из мотивов для капиталиста (предпринимателя) выступает *получение максимальной прибыли*. Он является основной целью активности предпринимателя, придающий смысл функционирования системы, одухотворяющей применение всех элементов технологии капиталистического производства [Осипов, Еще раз..., 2017, 5-28].

Стоит отметить, что оплата наемного труда, на первый взгляд, может создавать видимость справедливой его оценки. Так было до момента, пока, по словам Ф. Энгельса, К. Маркс не раскрыл «тайну» капиталистической эксплуатации пролетариата. Эта «тайна», долгое время не

осознаваемая эксплуатируемым рабочим эпохи индустриализма, служит характерной чертой капиталистической технологии эксплуатации работника. Она отличает последнюю от других форм социального гнета, предшествующих общественно-экономических формаций: рабовладельческой и феодальной, где социальное подавление труженика носило более *открытый*, так сказать, *грубый характер*. [Илюшечкин, 1990] [Семенов, 2003]. Нельзя забывать и еще об одном аспекте социальной технологии капитализма, имеющего общесоциальное, а не только экономическое значение – это «резервная армия работников» (*безработица*). Она выполняет роль «невидимой руки с кнутом» нависшей над наемным работником и подгоняющей его в гонке за средствами существования.

Категория «социальная технология»: ее содержание и методологическая роль

Из рассмотренного примера мы видим, что относить формационные характеристики общества к мегасоциальной технологии не является большим преувеличением. Такое понимание социальной технологии соответствует ее самому общему смыслу [Осипов, 2011, 16-22].

Было время, когда в отечественной обществоведческой литературе нередко содержание технологии по определению сводили к технике или же выводили его непосредственно из инструментального оснащения трудового процесса, предмета и разделения труда. Автор этих строк придерживается иной точки зрения, согласно которой социально-философский подход требует более развернутого понимания содержания социальной технологии [Осипов, 2017, Еще раз..., 5-28]. Только в этом случае она может претендовать на статус социально-философской категории [Осипов, Об эволюции..., 2017, 235-245].

Как это ни парадоксально, но даже простой здравый смысл подсказывает нам самое общее понимание технологии и социальной технологии, в частности. *Технология – это совокупность (система) материальных и духовных (идеальных) средств и методов деятельности субъекта, позволяющих ему с достаточной надежностью получать желаемый результат, достигать поставленной цели* [Осипов, Об эволюции..., 2017, 235-245]. У К. Маркса мы находим социально-философское определение технологии: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [Маркс, Энгельс, 1960, 383].

Технологию отличает от других видов деятельности и разнообразных практик ряд специфических признаков, среди них такие как: целенаправленность, экономичность, воспроизводимость, результативность, конкретность и другие. Но самая общая (родовая), атрибутивная характеристика технологии, интегрирующая большинство ее признаков — это *эффективность*.

Любая социальная технология представляет собой весьма сложное гетерогенное образование, включающая в свой состав разнородные элементы: материальные и идеальные, телесные и духовные, объективные и субъективные, искусственные и естественные, рациональные и иррациональные и т.д. Все они дополняют друг друга лишь интегрально, дают предполагаемый результат. Интегральную функцию выполняет такой компонент технологии как *целеполагание*. Выдвижение цели придает исходный направляющий импульс деятельности субъекта, определяет ее общий смысл. Наглядным примером такой социальной технологии является процесс воспитания и образования в обществе.

Социально-технологическое соотношение культуры и цивилизации

Созданные человеком, в результате его социального творчества, служащие обществу технологии, имеют для него большую ценность и являются феноменом культуры.

Культуру обычно определяют как *систему ценностей*. Именно ценности культуры в процессе их усвоения человеком (социализации) в конечном счете влияют на процесс формирования целей и, следовательно, смыслов социальной активности людей. Поэтому не будет большим преувеличением считать ценности культуры самым «*верхним*» *экзистенциальным* уровнем социальных технологий. Одним словом, культура в значительной степени реализуется через *великое множество социальных технологий* [Осипов, Михайлова, 2017, 149-161]. Однако, не следует полностью отождествлять понятия «культура» и «социальные технологии». Первое понятие по своему содержанию шире и охватывает все многообразие человеческой деятельности, *все, что создано ею*. Термин «антикультура» имеет относительный смысл: хотя также создается людьми, но противопоставляется культуре как нечто антигуманное (например, война). Технологии же тоже дело рук и духа человека, следовательно, относятся к культуре, но их главное социальное назначение – быть эффективными способами реализации ценностей культуры. Поэтому они больше выражают содержание цивилизации, т.е. *цивилизация - есть система сложившихся в обществе социальных технологий*. Иными словами, можно утверждать, что цивилизация, представляющая собой систему социальных технологий, характеризует степень развития, укорененности в обществе определенной системы ценностей культуры. По существу, об этом же читаем у Ф. Броделя: «Культура – это цивилизация, которая не достигла своей зрелости, своего социального оптимума и не обеспечила своего роста» [Бродель, 1986, 157].

Эту же мысль высказывает и О. Шпенглер: «Цивилизация – неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии» [Шпенглер, 1993, 163].

Однако оговоримся, когда еще не было государства, и, следовательно, не возникла сама цивилизация, согласно общепринятой точки зрения, социальные технологии уже сложились в первобытном обществе. Как известно, родоплеменная организация обладала большой устойчивостью и целостностью, что позволяло такому обществу просуществовать десятки тысяч лет. Роль социальных технологий в нем выполняли религиозно-мифологические представления, традиции и главное – отношение собственности, которые, исходя из вышесказанного, можно отнести к формационной мегасоциальной технологии.

Отношения собственности, определяя экономическое основание каждой общественной формации, *детерминируют* систему главных мотивов деятельности властвующей элиты, которая «навязывается» всем слоям общества «сверху донизу». Для этого господствующая элита прибегает не только к экономическим средствам воздействия на население, но использует методы и средства политического воздействия и интеллектуально-психологического манипулирования сознанием людей. Эту функцию технологически реализуют государственные институты, общественные организации, партии и СМИ, явно или неявно подконтрольные власти преобладающим. Существо дела не меняется в буржуазных странах, где под лозунгом демократии камуфлируется истинное положение вещей. Сейчас и в России, в которой декларируется становление «гражданского общества» и «цивилизованного капитализма», «оттачиваются» технологии удержания власти олигархами и крупными чиновниками.

Говоря о факторах генезиса и утверждения мегасоциальных технологий, надо отметить следующее: отношения собственности, хотя и имеют базисное значение, но они не единственное в этом историческом процессе. Он – *результат синтеза* многих явлений

социальной действительности, истоки которых надо искать в культуре.

Культура, как известно, содержит в себе материальные и духовные элементы, взаимодействие которых, на первый взгляд, может показаться случайным. Но на достаточно длительной временной дистанции массовидный характер этих взаимодействий может послужить статистическим основанием для *действия закономерностей нового вектора* развития общества.

Нечто подобное происходило с возникновением капитализма и буржуазной формации. К. Маркс в гениальном и огромном по объему «Капитале» проанализировал преимущественно экономические (материальные аспекты) генезиса и развития капитализма.

Другой мыслитель М. Вебер полвека спустя в небольшой, но не менее гениальной работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал роль религиозного мировоззрения в становлении исторически новой общественной формации [Вебер, 1990, 61-272] [Гайденко, 2001]. Именно *симбиоз* экономических и мировоззренческих компонентов сделал возможным зарождение буржуазного общества. Оба этих компонента – проявление культуры в широком смысле. Наряду с вышеотмеченными, к числу благоприятствовавших в условиях культуры также относятся научно-технический и социально-политический компоненты. Даже в такие «внекультурные факторы» как естественный (умеренность и разнообразие природно-климатических условий) и демографическая ситуация в Западной Европе кануна Нового Времени).

Соотнося культуру и социальные технологии, необходимо признать, что *исходными* в формировании последних являются ценности культуры. Именно в них коренятся духовные импульсы социального творчества, создающие новые идеи, которые затем становятся определяющими принципами организации социальной жизни. *Ценности обладают значительной устойчивостью*, они формируют систему мотивов деятельности, а те, в свою очередь, реализуются через конкретные цели. Последние же, образуя начальное звено социальной технологии, придают ей смысловое содержание, *рациональную легитимацию*. В этой многоуровневой структуре социальной технологии ценности культуры, образуя самый верхний ее уровень, обладают трансцендентальным характером и пока «далеки» от своего воплощения в системе конкретных средств и способов.

По мере своего «приземления» ценности культуры реализуются в технологиях, принося желаемый результат. Но раз сложившись, в технологии со временем обретают схематизм и консерватизм. Тогда они могут вступать в противоречия с изменившимися условиями, что требуют их модернизации или полной замены на инновационные.

Инновации возникают часто случайно. Но пока они не получают смыслового обоснования в ценностях культуры, новые технологии не достигают широкого распространения в обществе. И все же реальным источником инноваций, в конечном счете, преобразующих все в обществе, является человеческая деятельность на уровне *Повседневности*, в «Жизненном мире», по выражению представителей феноменологии.

О социально-технологическом аспекте Марксовой теории формаций и не только

Из предыдущего изложения, по нашему мнению, можно видеть, что Марксова теория формации содержит в себе и социально-технологический аспект. В основу такого понимания формации как мегасоциальной технологии положен *экономоцентристский подход*. Структурообразующей категорией такого подхода является категория способа производства. В рамках последнего человеческая деятельность в сфере производительных сил динамизирует все

общество. В свою очередь, поскольку в обществе установился определенный тип производственных отношений, он генерирует и свои *критерии оценки* производительной деятельности. Так для капитала в условиях капиталистической формации производительным является лишь труд, создающий прибавочную стоимость и приносящий максимальную прибыль предпринимателю.

В коммунистической формации, согласно марксизму, ценность труда имеет несколько иной характер: наряду с производительностью, необходимой обществу, труд должен являться одним из важнейших средств *всестороннего развития личности* человека. В этой идее заключен гуманистический смысл теории Маркса. Он же показал в «Экономико-философских рукописях», что в соответствии с сущностью господства капитала, труд носит отчужденный характер, то есть выступает средством эксплуатации работника [Маркс, 1932, 41-174].

Впервые в истории попытка практической реализации идей К. Маркса была предпринята СССР и его союзниками в XX веке. Однако в очередной раз подтвердилось в глобальном масштабе философское положение о том, что, хотя *идея (цель)* и является направляющим импульсом практики, она не всегда совпадает с реальным результатом. «Сущим проклятием» для советских обществоведов, особенно экономистов-теоретиков, являлся вопрос о производительности труда.

Согласно теории «научного коммунизма» формация, следующая в истории после капиталистической, как более прогрессивная, должна иметь и более высокую производительность труда. Однако этого не происходило. Да и сейчас, в современной России, «самым сильным» аргументом в пользу доказательства отсталости нашей страны приводится тезис о более низкой производительности труда по сравнению с США и Западной Европой.

Во всем этом, опять-таки, наглядно проявляет себя *«прямолинейный»*, можно сказать, *«вульгарный» экономизм*. Он берет за критерий оценки состояние общества и человека в нем, исключительно материальные, в лучшем случае научно-технические показатели. Человек в таком обществе действительно приобретает статус «гомозэкономикуса», который вовсе не лучше «гомосоветикуса», осмеянного в публикациях либеральных авторов в постсоветский период.

С точки зрения, более *всестороннего*, чем сугубо экономического подхода (а именно таковым должен быть социально-философский подход), состояние общества и человека в нем определяется не только размером прибыли или дохода, а также, многими другими факторами и условиями жизни. Для их учета и осмысления *недостаточен* только *формационный анализ* социальной реальности. *Необходим и цивилизационный подход*.

Мы не согласны с утверждением, нередко высказываемым в отечественной литературе о том, что формационный и цивилизационный подходы в изучении общества несовместимы. Такое мнение стало возможно, видимо, на волне критики марксизма, который, как известно, страдал определенным догматизмом в советское время. Но это свидетельствует о другом, а именно – *«легковесном»*, *поверхностном* отношении к его содержанию, от которого так легко можно отказаться и «безболезненно» перейти на иные социально-философские позиции.

Так, в конце 20 века в контексте разочарования в результатах «ускорения» и «перестройки», эпохи СССР, нарастал пессимизм в оценке методологической и теоретико-познавательной роли формационного учения. Как часто случалось в истории – вновь проявился «эффект маятника» в среде отечественных обществоведов, это явно сказалось в отношении формационной теории марксизма. На смену ей все настойчивее стала навязываться цивилизационная модель развития общества. При этом формационная теория часто объявлялась противоречащей реальному

историческому процессу в силу своей «чрезмерной» схематичности и прямолинейности.

Наиболее рьяные оппоненты формационной теории не гнушались и прямой фальсификацией ее идей, представляя основные ее положения в искаженном, огрубленном виде. Вот что писал один из советников Б. Н. Ельцина, наш известный автор А.И. Ракилов: «Способ производства, согласно известному всем клише, есть единство производительных сил, охватывающих аппаратную часть, производителя, непосредственно оперирующего инструментальной составляющей, и производственных отношений, охватывающих собственность, распределение, и так называемый обмен деятельностью. Здесь даже не подразумевается менталитет, информационные ресурсы, ноу-хау, и все, что свидетельствует о человеческом сознании, разумности человеческой деятельности и ее целеориентированности. Это не простая дань постулату вторичности сознания, но в значительной степени выражение полувековых попыток универсальной тоталитарной системы сделать труд безмозглым, бессмысленным, лишенным проблеска интеллектуальности» [Ракилов, 1992, 5].

Столь обширная цитата свидетельствует о многом и весьма показательна. Вряд ли процитированный здесь автор хуже нас с вами ориентируется в содержании социальной теории марксизма. На протяжении десятилетий он, пожалуй, как и многие другие, являлся правоверным адептом критикуемой здесь жестко теории. Может быть, он стал, опять-таки как и многие, жертвой легковерия, попав под очарование «сладкозвучных сирен» сначала «перестройки», а затем и «демократов-реформаторов». Думаю, что и это не основная причина столь яростных нападков на социальную философию марксизма.

Дело здесь, пожалуй, в другом. На новом витке истории и в иных конкретных социальных условиях мы можем наблюдать извечное явление, характерное не только для нашего времени, но и присущее как прошлым векам, так и недавнему советскому периоду отечественной истории – это чрезвычайно слабая «укорененность» философии в социальной реальности. Склоняешься к тому, что философия скорее является не формой общественного сознания, не «квинтэссенцией» и не самосознанием эпохи, а продуктом умствования различных мыслящих субъектов, зависящих от многих условий и даже обстоятельств своей жизни. Вот почему философию очень часто так легко превращали в официоз, теоретически оправдывающий существующий социально-экономический и политический порядок вещей в обществе. В этом смысле философию можно уподобить даже облаку, парящему над землей и гонимому над ней по воле разных ветров – будь то ветры западные или восточные.

Любые перекосы, в том числе и в теории, вредны, ибо искажают познание действительности. Как известно лучше держаться середины. Цивилизационные учения так же имеют длительную разработку в социальной философии, и даже более длительную, чем формационное. Ее приверженцами были, например, такие мыслители как Ш. Монтескье, М. Вебер, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, Ф. Бродель и др.

Да и классики марксизма нередко обращались к некоторым положениям цивилизационного учения, поэтому было бы грубой ошибкой игнорировать его теоретический потенциал. Назрела необходимость синтеза формационного и цивилизационного учений. Осознание чего все увереннее утверждается в среде отечественных обществоведов. К числу последних относится и автор этих строк. Он показал, что «...синтетический подход к всемирно-историческому процессу отражает реальный факт, что в нем неразрывно связаны и взаимообуславливают друг друга, и при этом одновременно, цивилизационные и формационные преобразования. История движется «двойной тягой», взаимодействием формационных и цивилизационных изменений» [Осипов, 2007, 142-158]. Феномен «двойной тяги», в данном случае действует на протяжении

человеческой истории, отличаясь в конкретно исторические периоды только разной своей интенсивностью (темпами и силой) [Осипов, 2008, 266-279].

Заключение

В качестве вывода отметим следующее: исходной категорией понимания социальной реальности является «культура». Своим содержанием она охватывает все, что создано человеком. Но ценности культуры с необходимостью реализуются через многообразие социальных технологий, что и придает обществу целостность и устойчивость. Последнее воплощается в формационной и цивилизационной определенности организации жизни общества. При этом формацию и цивилизацию можно понимать в качестве мегасоциальных технологий, а ценности культуры образуют самый «верхний» уровень социальных технологий, выражая в них экзистенциально-смысловую легитимацию. Следовательно, само содержание социальной технологии необходимо понимать в категориальном смысле как гетерогенное социальное явление, включающее в свой состав онтологически разнородные феномены.

В решении проблемы движущих причин исторического развития общества, как показали дискуссии в социальной философии, недостаточен только формационный взгляд, или только цивилизационный подход в их отрыве друг от друга. Лишь их методологический синтез позволяет дать удовлетворительную картину всемирно-исторического процесса.

Библиография

1. Бродель Ф. Структура повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 157.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Ленанд, 2015. Т. 3. С. 306-388.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
4. Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // История социологии в Западной Европе и США. М.: Норма. 2001. 576 с.
5. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (опыт системно-структурного исследования). М.: Наука. 1990. 435 С.
6. Катасанов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 1072.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. 594 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 года. Соч. М., 1932. Т. 42. С. 41-174.
9. Обсуждение книги академика В.С. Степина «Цивилизация и культура». Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 3-47.
10. Осипов Н.Е. Еще раз о социальных технологиях // Философия и общество. 2017. № 5. С. 5-28.
11. Осипов Н.Е. Об эволюции содержания понятия «социальная технология» // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 235-245.
12. Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 16-22.
13. Осипов Н. Е., Михайлова Р.В. Ценность справедливости и ее социально-технологическая реализация в истории // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 149-161.
14. Осипов Н.Е. О формационно-цивилизационной корреляции во всемирной истории // Философия и общество. 2007. № 2. С. 142-158.
15. Осипов Н.Е. О диалектике формационных и цивилизационных изменений в развитии общества // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 5. С. 266-279.
16. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 5.
17. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1. С. 163.

Economic basis and its social and technological role in society

Nikolai E. Osipov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and methodology of science,
Chuvash State University named after I.N. Ul'yanov,
428000, 18 Lenina av., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: osipovne48@yandex.ru

Abstract

The article attempts to review the content and methodological role of such categories of social philosophy as a socio-economic formation, its structural basis, which have long established themselves in the social sciences as their theoretical and cognitive apparatus. The new view is an interpretation of these categories as social technologies for organizing the life of society at the "highest" level of its integrity. This approach allows us to understand culture, civilization and the formation as megasocial technologies. Consequently, the term social technology is the basic unit of theoretical reflection over the traditional categories of social philosophy. But this aspect of their understanding requires a different interpretation of the content of the concept of social technology. The author considers the last scientific and engineering, which does not quite correspond to the categorical status of the above categories. For such a correspondence, social technology is constituted in the article as a complex of ontologically heterogeneous phenomena, that is, as a heterogeneous entity, the most important function of which is the realization of cultural values. The latter, constituting the highest level of social technologies, impart to them the existential meaning, legitimation and unity of all elements. On the example of capitalist and communist formations, the article shows the paradigmatic nature of the corresponding bases. According to the author, this understanding of the content of social technology contributes to a better idea of the correlation of the categories formation, civilization and culture. It is predominantly authorial and not yet represented in social science literature.

For citation

Osipov N.E. (2018) *Ekonomicheskii bazis i ego sotsial'no-tekhnologicheskaya rol' v obshchestve* [Economic basis and its social and technological role in society]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1A), pp. 126-136.

Keywords

Formation, basis, culture, civilization, technology, society, social philosophy, self-organization, structure

References

1. Brodel F. (1986) *Struktura povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [The structure of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow: Progress Publ.
2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2015) *Global'nyi kapital* [Global Capital]. Moscow: Lenand Publ. Vol. 3.
3. Gaidenko P.P. (2001) *Sotsiologiya Maksa Vebera* [Sociology of Max Weber]. In: *Istoriya sotsiologii v Zapadnoi Evrope i SshA* [History of Sociology in Western Europe and the USA]. Moscow: Norma Publ.

4. Ilyushechkin V.P. (1990) *Ekspluatatsiya i sobstvennost' v soslovno-klassovykh obshchestvakh (opyt sistemno-strukturnogo issledovaniya)* [Operation and ownership in the estate-class societies (experience of system-structural research)]. Moscow: Nauka Publ.
5. Katsanov V.Yu. (2013) *Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoi tsivilizatsii»* [Capitalism. History and ideology of "money civilization"]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ.
6. Marx K., Engels F. (196) *Soch. 2-e izd.* [Works. 2nd ed.]. Moscow. Vol. 23.
7. Marx K., Engels F. (1932) *Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda. Soch.* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. Op.]. Moscow. Vol. 42.
8. (2013) Obsuzhdenie knigi akademika V.S. Stepina «Tsivilizatsiya i kul'tura». Materialy kruglogo stola [Discussion of the book by Academician V.S. Stepina "Civilization and Culture". Materials of the round table]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 12, pp. 3-47.
9. Osipov N.E. (2017) Eshche raz o sotsial'nykh tekhnologiyakh [Once again about social technologies]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 5, pp. 5-28.
10. Osipov N.E. (2017) Ob evolyutsii soderzhaniya ponyatiya «sotsial'naya tekhnologiya» [On the evolution of the content of the concept of "social technology"]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 4, pp. 235-245.
11. Osipov N.E. (2011) Soderzhanie i metodologicheskaya rol' kategorii «sotsial'naya tekhnologiya» v osmyslenii tselostnosti obshchestva [The content and methodological role of the category "social technology" in understanding the integrity of society]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 6, pp. 16-22.
12. Osipov N.E., Mikhailova R.V. (2017) Tsennost' spravedlivosti i ee sotsial'no-tekhnologicheskaya realizatsiya v istorii [Value of justice and its socio-technological realization in history]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 5, pp. 149-161.
13. Osipov N.E. (2007) O formatsionno-tsivilizatsionnoi korrelyatsii vo vseмирnoi istorii [On the Formation-Civilizational Correlation in World History]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2, pp. 142-158.
14. Osipov N.E. (2008) O dialektike formatsionnykh i tsivilizatsionnykh izmenenii v razvitiі obshchestva [On the Dialectic of Formational and Civilizational Changes in the Development of Society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 5, pp. 266-279.
15. Rakitov A.I. (1992) Tsivilizatsiya, kul'tura, tekhnologiya i rynek [Civilization, culture, technology and the market]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 5, p. 5.
16. Semenov Yu.I. (2003) *Filosofiya istorii. (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei)* [Philosophy of history. (General theory, basic problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow: Sovremennye tetrad Publ.
17. Spengler O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
18. Weber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma: Izbrannye proizvedeniya* [Protestant ethics and the spirit of capitalism: Selected works]. Moscow: Progress Publ.